

Памяти Виталия Лазаревича Гинзбурга

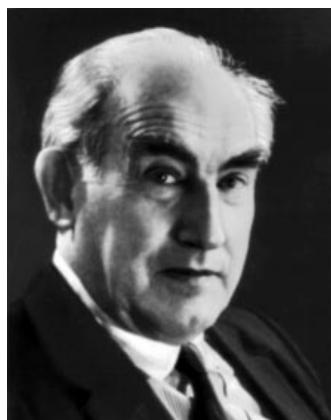
из истории физики**Об отце и нашей семье**

В.Л. Гинзбург

В этой последней статье Виталия Лазаревича Гинзбурга представлены некоторые автобиографические сведения о семье В.Л. Гинзбурга, о его родителях, о родственниках, о его предках и потомках, о происхождении фамилии "Гинзбург". Особо вспоминает В.Л. Гинзбург об отце, восполняя свой (по его мнению) "не вполне выполненный" сыновий долг.

PACS numbers: 01.60.+q, 01.65.+g

DOI: 10.3367/UFNr.0180.201011e.1217

Когда я увидел книгу "Об отце — с любовью"¹, мне сразу же захотелось принять участие в предполагающихся её продолжениях. Почему? Дело в том, что меня уже много лет мучает чувство, что я не вполне выполнил свой сыновий долг по отношению к отцу. И мне хочется покаяться. К сожалению, как убеждённый атеист, я не могу надеяться на то, что моё покаяние будет услышано "там", в существование чего верят религиозные люди. Но каются для себя самого, а не для кого-то ещё.

Мои чувства станут понятнее уже из того, что моя мать умерла, когда мне было всего четыре года, ни братьев, ни сестёр у меня нет, я "единственный сын", и родился, когда отцу было уже 53 года. Отец очень хотел иметь сына и во мне, что называется, души не чаял. Я же, когда вырос, это недостаточно хорошо понимал, и, вероятно, отцу бывало больно.

Смерть матери не обернулась для меня, довольно типичным в таких случаях, появлением мачехи и иногда тяжёлой участью ребёнка в развалившейся семье. Дело в том, что у матери была незамужняя сестра лет на пять её моложе — моя тётя Роза, и эта сестра через некоторое время приехала жить с нами, то есть с отцом и мною.

Я тогда этого не понимал, но ясно, что тётя Роза стала второй женой отца. Правда, в те тяжёлые времена брак не был оформлен из каких-то имущественных соображений, и тётя много лет работала в "Международной книге" — организации, оформлявшей выпуск иностранный литературы научным учреждениям и отдельным научным работникам.

Тётя, как и мать, родилась в Латвии в г. Митаве², сейчас, кажется, он иначе называется. Их отец был часовщиком, т.е. чинил часы и, возможно, продавал

Фото 1. Сёстры Вильдауэр: Роза Вениаминовна Вильдауэр (слева тётя Виталия Лазаревича Гинзбурга, заменившая ему мать после смерти сестры Августы — матери В.Л. Гинзбурга) и Августа Вениаминовна Вильдауэр (мать Виталия Лазаревича Гинзбурга, в замужестве Вильдауэр-Гинзбург).

их. Сразу замечу, что семья так и осталась в Латвии после революции. Правда, один раз, году так в 1924 или 1926, бабушка к нам приезжала с визитом, но потом связи "с заграницей" оборвались. Я только знаю, что у матери и тёти в Латвии, помимо отца с матерью, жили брат и большая сестра. Вероятно, они погибли во время немецкой оккупации. Мать и тётя ещё до революции

¹ Сборник *Об отце — с любовью*. (Составитель А. Фин.) (М.: ООО «Объединённая редакция журнала "Юный техник"», 2008) 224 с.

² Митава (по-латышски Jelgava, по-немецки Mitau) — губернский город Курляндской губернии Российской империи, бывшая столица Курляндского герцогства в 607 верстах от Санкт-Петербурга. После 1917 г. город назывался Елгава. (Примеч. ред.)

Фото 2. Супруги Августа Вениаминовна Вильдауэр-Гинзбург и Лазарь Ефимович Гинзбург. Фотография выполнена 5 октября 1914 г., а также визитная карточка врача А.В. Вильдауэр (после бракосочетания, состоявшегося 19 декабря 1914 г., носившей двойную фамилию — А.В. Вильдауэр-Гинзбург).

Фото 3. Первая фотография Виталия Лазаревича Гинзбурга, сделанная в возрасте примерно одного года.

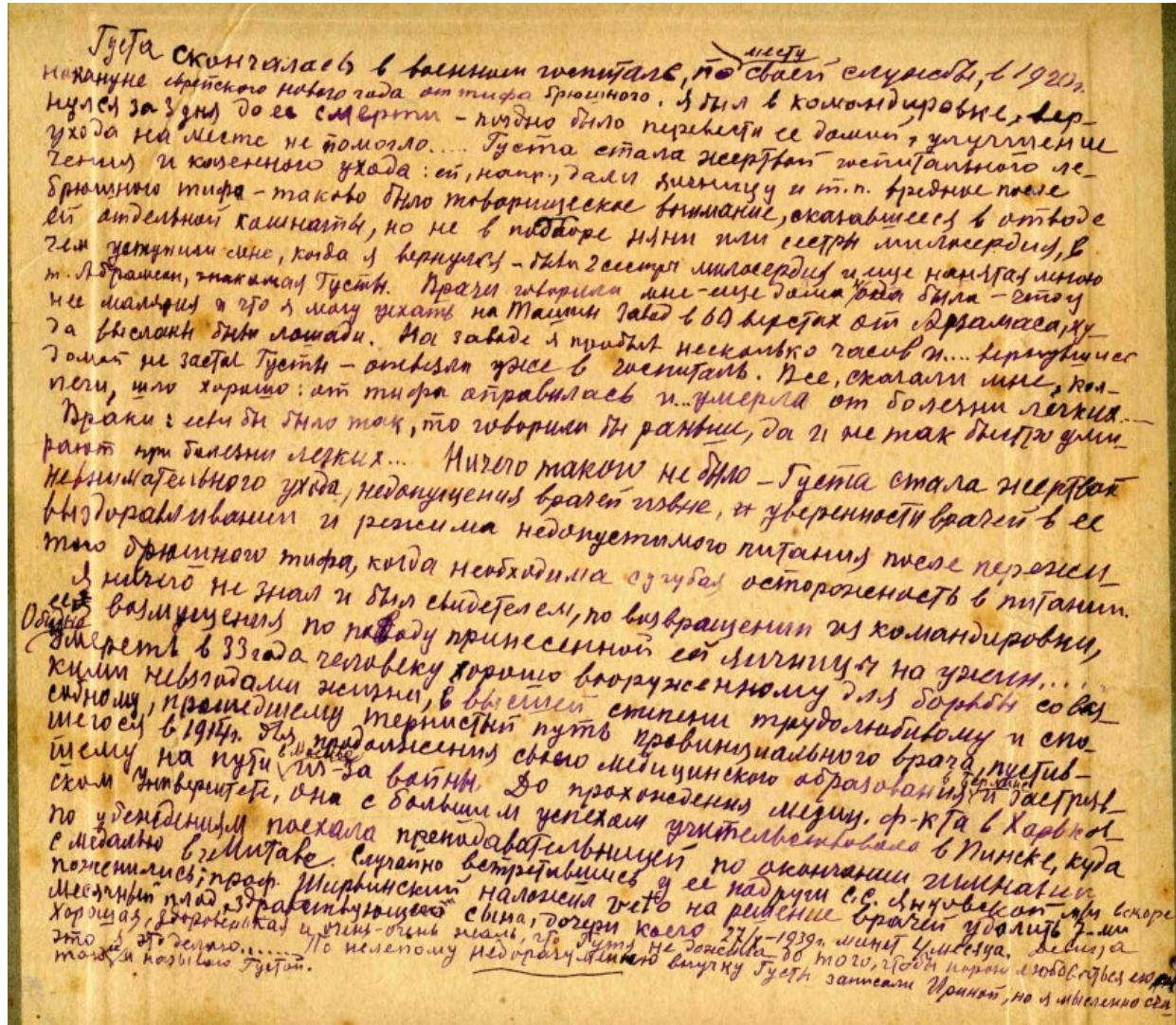
переехали в собственно Россию, и мать в 1911 г. окончила Харьковский медицинский институт (университет) и стала врачом.

Забыл написать, что фамилия матери и тёти — Вильдауэр, и, когда мать в 1914 г. вышла замуж, у неё появилась двойная фамилия — Вильдауэр-Гинзбург, так тогда полагалось у практикующих врачей. С этим связан такой эпизод. Когда мать в 1916 г. заболела, отец пригласил к нам домой видного врача — профессора. Когда он уходил, то брат гонорар отказался и с раздражением попросил "больше его не приглашать". Дело в том, что на двери парадного была прикреплена доска с надписью "Доктор Вильдауэр-Гинзбург". А тогда существовало негласное правило, что врач у врача денег за визит не берёт.

Во время войны и революции мать, естественно, работала в госпитале, и там и скончалась в 1920 году от брюшного тифа. Отец в это время был в командировке и не мог существенно помочь, а коллеги по госпиталю оказались не на высоте. Тётя тоже училась в Мединституте, собиралась стать зубным врачом, но так им и не стала и, как я уже писал, пользуясь знанием иностранных языков, служила в "Международной книге".

Фото 4. Виталий Лазаревич Гинзбург в возрасте 2 лет и 9 месяцев и 17 дней. На обороте фотографии рукой Лазаря Ефимовича (отца В.Л. Гинзбурга) сделана запись: "Родился 21 сентября 1916 г. (7 Тишрей 5677 г.). Снят во 2-ой раз 21 июля 1919 г. (23 Тамуза 5679 г.)". (Дата рождения дана по старому стилю, а дата снимка — по новому стилю, в скобках приведены обе даты, указанные отцом, по еврейскому календарю. — Примеч. ред.)

Фото 5. На обороте фотографии могилы матери (см. далее фото 24) Августы Вениаминовны рукой отца Лазаря Ефимовича (вероятно, специально для сына Виталия) описаны обстоятельства смерти матери: "Густа скончалась в военном госпитале, по месту своей службы, в 1920 г. накануне еврейского Нового года от брюшного тифа. Я был в командировке, вернулся за три дня до её смерти — поздно было перевести её домой, улучшение ухода на месте не помогло... Густа стала жертвой госпитального лечения и казённого ухода: ей, напр., дали яичницу и т.п. — вредные после брюшного тифа — таково было товарищеское внимание, оказавшееся в отводе ей отдельной комнаты, но не в подборе нянни или сестры милосердия, в чём уступили мне, когда я вернулся — были две сестры милосердия и ещё нанята мною т. Абрамсон, знакомая Густы. Врачи говорили мне — ещё дома когда была — что у неё малярия и что я могу уехать на Ташин завод в 60 верстах от Арзамаса, куда высланы были лошади. На заводе я пробыл несколько часов и... вернувшись домой не застал Густы — отвезли уже в госпиталь. Всё, сказали мне коллеги, шло хорошо: от тифа оправилась и... умерла от болезни лёгких... Врачи: если бы было так, то говорили бы раньше, да и не так быстро умирают от болезни лёгких... Ничего такого не было — Густа стала жертвой невнимательного ухода, недопущения врачей извне, уверенности врачей в её выздоровлении и режиме недопустимого питания после пережитого брюшного тифа, когда необходима сугубая осторожность в питании. Я ничего не знал и был свидетелем, по возвращении из командировки, её возмущения по поводу принесённой ей яичницы на ужин... Обидно умереть в 33 года человеку, хорошо вооружённому для борьбы со всеми невзгодами жизни, в высшей степени трудолюбивому и способному терпеть путь провинциального врача, пустившегося в 1914 г. для продолжения своего медицинского образования в Берлин и застрявшему на пути в Москву из-за войны. До прохождения медицинского факультета в Харьковском Университете, она с большим успехом учительствовала в Пинске, куда по убеждению преподавательницы по окончании гимназии с медалью в Митаве. Случайно встретившись у её подруги С.С. Янковской мы вскоре поженились; проф. Ширвинский наложил *veto* на решение врачей удалить семимесячный плод, здравствующего сына, дочери кое-го 27/X — 1939 г. минет 4 месяца. Девица хорошая, здоровенькая, и очень-очень жаль, что Густа не дожила до того, чтобы порою любоваться ею, как я это делаю... По непонятному недоразумению внуку Густы записали Ириной, но я мысленно считаю её и называю Густой..." (По тексту записи ясно, что она написана Л.Е. Гинзбургом в октябре 1939 г. — Примеч. ред.)

У меня, к сожалению, плохая память, и я не помню себя раньше четырёхлетнего возраста. Да и в этом возрасте запомнил лишь два эпизода. Вот мать лежит в постели, видимо, уже больная, а я гляжу её волосы. Второй эпизод — похороны матери. Мы жили на Мясницкой улице, дом 29, рядом с известной тогда булочной Филиппова или одним из магазинов этой

фирмы. И вот я стою на тротуаре рядом с няней, а мимо проходит похоронная процессия, в составе которой отец. Это похороны матери.

Потом помню себя лет в 8; так, например, помню похороны Ленина, а было это в 1924 г. В общем, мало что могу сообщить о раннем детстве, ощущение такое, что был ухоженным и любимым ребёнком.

Фото 6. Часть первой страницы патента (как тогда писали "привилегии") инженера-механика Лазаря Ефимовича Гинзбурга на аппарат для очищения воды, заявленный 30 мая 1900 года.

Теперь об отце. Он родился в белорусском городке Могилёве в 1863 г. Это было, как известно, лишь через 2 года после освобождения крестьян. С тех пор прошло уже примерно 150 лет, но эта цифра не кажется уж очень большой по сравнению с возрастом современной науки, оформленной, грубо говоря, в XVII веке. Но достаточно вспомнить, что не было не только авиации, но и радио, не говоря уже о телевидении, чтобы понять, что жизнь в 1863 г. была совсем отличной от современной, по крайней мере, в городах, а также в науке, технике и медицине.

Отец был явно способным человеком. Тогда было ведь очень трудно еврею поступить в Университет, нужно было, во всяком случае, сдать довольно серьёзные экзамены. И вот отец после окончания реального училища успешно сдал их и поступил то ли в Петербургский университет, то ли в какой-то технический вуз в Петербурге. Но всё же он не окончил этот вуз, был исключён по какому-то поводу, кажется, за участие в студенческой забастовке. Но через некоторое время он поступил в Рижский политехнический институт и успешно окончил его, став инженером ещё в конце XIX века. Инженеров тогда готовили, можно сказать, штучным образом, их было не так уж много. Я видел у отца книгу с названием "Альма-матер", в которой перечислялись все окончившие институт, и приводилась их биография. Фигурировал там и отец. Став инженером, отец работал в какой-то фирме, на заводе или в лаборатории. Но затем завёл своё собственное "дело" — предприятие

предлагаемый аппарат служить для удаления изъ воды механических примесей и для выделения, растворенных въ водѣ, химических соединений. На чертежѣ, фиг. 1

чемъ діаметры продырвленныхъ отверстий въ нижнихъ тарелкахъ больше, чѣмъ въ верхнихъ, абсолютная же величина фильтрующей поверхности сить *c*, съ цѣлью умень-

по очистке воды. Чистить воду от солей необходимо при её использовании в паровых котлах и в ряде других случаев. У отца были патенты, в частности заграничные. На фото 6 приведена 1-я страница, как тогда писали, "привилегии". Было несколько таких "привилегий" и патентов. "Малый бизнес" отца, как теперь бы сказали, состоял из химической лаборатории, занимавшей четырёхкомнатную квартиру в том же доме, где мы жили, а также из довольно большой мастерской, расположенной в Измайловском парке. В этой мастерской изготавливались некая машина, в которой производилась очистка воды. К сожалению, масштаб этого "дела" был таков, что после революции мастерскую заведомо не национализировали. Это позволило отцу в период НЭПа снова возродить свой "бизнес", что мне было крайне неприятно. Но в тридцатые годы эта деятельность вместе с НЭПом прекратилась, и отец, как и в годы военного коммунизма, работал инженером в ВСНХ (Высшем Совете Народного Хозяйства. — Примеч. ред.) и каких-то других учреждениях. По-видимому, он был крупным специалистом, поскольку занимал довольно крупные инженерные должности. Поэтому мы мирно жили — отец работал в каком-то тресте, а тётя до начала Отечественной войны работала в "Международной книге".

В своей области (очистка воды; видимо, речь была только о воде, используемой в промышленности, конкретно, в паровых котлах) отец был явно признанным специалистом и долго оставался консультантом или кем-то в этом роде в ВСНХ или каких-то других учреждениях.

Фото 7. Фотография Л.Е. Гинзбурга для пропуска в одно из советских учреждений. Сделана (предположительно) в 1930-е годы.

Фото 9. Фотография Розы Вениаминовны Вильдауер (тёти Виталия Гинзбурга), сделанная на пропуск в организацию "Международная книга", находившуюся в ведении Народного комиссариата просвещения (НКП) РСФСР. На фотографии видна печать НКП РСФСР. Фотография сделана (предположительно) в 1930-е годы.

Фото 8. Фотография Виталия Гинзбурга в возрасте 10 лет. На обороте рукой Виталия старательно написано: "На добрую память дорогой тёте Розе от любящего её Муси. Москва, 29/I — 1927 г." ("Муся" — ласковое семейное прозвище Виталия Гинзбурга в детстве. — Примеч. ред.) Таким В.Л. Гинзбург пошёл в школу.

Было бы неуместно мне здесь сколько-либо подробно останавливаться на моей биографии³. Ограничусь замечанием, что родители послали меня в школу лишь с 4-го класса, поскольку, по-видимому, боялись, что школа плохая. И, действительно, в 1920-е годы уровень преподавания в большинстве школ сильно упал, по сравнению со средним уровнем, царившим до революции в хороших гимназиях и реальных училищах. Посещение школы тогда не было обязательным, вот я и пошёл в школу лишь в 11 лет и сразу же в 4-й класс. Поступил я в 57-ю школу на улице Мархлевского (бывший Милютинский переулок). Это бывшая французская гимназия, расположенная рядом с католической церковью. Там остались старые преподаватели и, думаю, было не хуже, чем до революции, если не считать преподавания истории, которая была сведена к изучению речей товарища Сталина. Но, к сожалению, как раз в тот период произошла очередная реорганизация школы в стране — она из школы с обучением в 11 (или 10) лет превратилась в "школу-семилетку". Дальше желающие учиться должны были идти в ФЗУ (фабрично-заводское училище). Окончив и, видимо, отработав некоторое время на производстве, можно было идти на рабфак, а потом желающие могли поступать в вузы.

³ Моя довольно подробная автобиография, написанная в связи с получением Нобелевской премии по физике в 2003 году, имеется в книге: Гинзбург В.Л. *О сверхпроводимости и сверхтекучести. Автобиография* (М.: Физматлит, 2006). Несколько дополненный текст этой книги переведён на английский язык под названием *On Superconductivity and Superfluidity. A Scientific Autobiography* (Heidelberg: Springer, 2009).

Мне в ФЗУ идти не хотелось, и я окончил в 1931 году только школу-семилетку, да ещё к тому же я был непролетарского происхождения. Но стал учиться "заочно" и в 1934 г. был принят на 2-й курс физфака МГУ. Учился я хорошо. Побоялся, однако, идти на теоретическую специальность и пошёл на оптическую специальность. Делал экспериментальную работу в качестве дипломной. Но вот окончил физфак, и кафедра оптики (ею заведовал академик Г.С. Ландсберг) решила оставить меня в аспирантуре с осени 1938 г. Этому, однако, мог помешать призыв в армию, да, собственно, меня уже призвали, но отпустили домой ожидать повестки с указанием, когда и куда "явиться с вещами". Вот я и ждал этой повестки, пока вопрос решался где-то "наверху". Дело в том, что в те времена вновь принятых аспирантов МГУ не призывали, давали отсрочку. Но тут ведь был 1938-й год, когда нависла военная угроза и отсрочки хотели отменить (их и отменили, но с 1939 г.), а тогда нам всем всё же дали отсрочку. В этот период ожидания особенно не хотелось сидеть в тёмной комнате и "гонять" насос, обеспечивающий вакуум в моей установке. И я стал пытаться теоретизировать, имея в виду объяснить один предполагавшийся эффект, касающийся оптики каналовых лучей. Пошёл за консультацией к проф. И.Е. Тамму, заведующему кафедрой теоретической физики. Он как-то очень поддержал меня, вдохновил, и я быстро получил некоторые результаты, относящиеся к квантовой электродинамике. Уже в 1939 году написал 3 статьи, представленные известным физиком-

теоретиком акад. В.А. Фоком для опубликования в "Докладах академии наук СССР". Оптику я забросил и стал физиком-теоретиком.

Я забежал вперёд и не написал о том, как я стал студентом. Одним из "клиентов" тёти (т.е. она помогала ему выписывать иностранную литературу) был Евгений Федорович Бахметьев. Он был старым большевиком, подводником, а после революции стал специалистом в области рентгеноструктурного анализа. Так вот, он заведовал в институте имени Лепсе рентгеновской лабораторией. Туда он меня и устроил лаборантом. Я подробно пишу об этом в своей автобиографии (см. сноску 3), и здесь ограничусь замечанием, что в связи с работой в упомянутой лаборатории, я заинтересовался физикой и выбрал её в качестве специальности. Через два года мне стало уже почти 17 лет и, естественно, я решил поступать в Университет. Вот я и попытался в 1933 г. поступить на физфак Московского государственного университета (МГУ). Для этого нужно было ещё как-то выучить то, что преподавалось в средней школе, нужно было знать материал 8-го, 9-го и 10-го классов обучения. Не без помощи учителя я сделал это и, в общем, сдал вступительные экзамены на физфак в 1933 г., правда, без блеска. Последнее обстоятельство сыграло свою роль. Поэтому меня не приняли, но я поступил на заочное отделение, а в 1934 г. — на 2-й курс, то есть догнал своих товарищей. Учился я хорошо, и в 1938 г. окончил физфак МГУ. О дальнейшей работе довоенного периода я кратко уже писал выше.

Аспирант физического факультета МГУ комсомолец В. Л. Гинзбург взял на себя обязательство защитить к юбилею университета диссертацию на учёную степень кандидата физико-математических наук.

Фото 10. В.Л. Гинзбург — экспериментатор. Фотография из многотиражной газеты Московского государственного университета: "Аспирант физического факультета МГУ комсомолец В.Л. Гинзбург взял на себя обязательство защитить к юбилею университета диссертацию на учёную степень кандидата физико-математических наук". (Копия этой газетной вырезки была прислана в редакцию УФН Ю.Д. Плетнером к 93-му дню рождения Виталия Лазаревича Гинзбурга. Была вручена В.Л. Гинзбургу точно в день рождения 4 октября 2009 г. — Примеч. ред.)

Перед Отечественной войной мы, физики ФИАНа (Физического института им. П.Н. Лебедева АН СССР), как, вероятно, и многие другие, продолжили свою "мирную" работу и как-то к войне не готовились. Но вот 22 июня 1941 г. она разразилась. Хорошо помню, как я часов в 12 утра с двухлетней дочерью на руках слушал выступление Молотова по радио с сообщением о нападении Германии. Помню, как Молотов, заикаясь, кончил свое выступление словами: "Враг будет разбит, победа будет за нами". В той же комнате, в которой мы это слушали, в кровати лежал отец, выздоравливающий или, лучше сказать, "отходивший" от перенесённого инфаркта. Ему было 78 лет, он был ещё довольно бодр и не помню, то ли где-то оставался консультантом, то ли уже не работал. А я был докторантом ФИАНа и увлечённо работал над одной физической проблемой, составившей содержание моей докторской диссертации, защищённой в 1942 г. Отец, конечно, был очень далёк от моей работы и от физики вообще.

ФИАН начал "перестраиваться", но первое, о чём помню, это сообщение о создании народного ополчения. Я, конечно, как и большинство сотрудников, записался в ополчение и один день мы провели в помещении какой-то школы, нас как-то распределили по ротам и отпустили домой с требованием немедленно вернуться по получении повестки. Но её мы не дождались, поскольку по решению властей ФИАН, как и ряд других институтов АН СССР, был эвакуирован в Казань. Случайно так совпало, что во время первого налёта немцев на Москву (кажется, но не уверен, это было через месяц после начала войны) провёл ночь в метро, возле которого меня застала воздушная тревога. Когда возвращался утром домой, видел некоторые следы бомбардировки. Этим, кстати, и ограничивается моё знакомство с военными действиями, ибо совсем вскоре мы уехали в Казань. Если говорить о нашей семье, то нас было четверо: отец, тётя, моя жена и я. Дочка уехала с бабушкой немного ранее и в другое место.

В Казань были эвакуированы многие, хотя и не все академические учреждения. ФИАНу была отведена часть второго этажа физфака Казанского университета. Сотрудники постарше (не в смысле возраста, а по "положению") были поселены во многих местах, в частности, в квартирах знакомых и т.д., а относительная молодёжь (впрочем, не только она) была поселена в общежитии университета на Клыковке. Это было здание типа школьного на окраине Казани. Вначале мы и семья Е.Л. Фейнберга были поселены в одной довольно большой комнате, разделённой на две половины просто висевшей простынёй или одеялом. Кстати, с этого времени и началась моя дружба с Евгением Львовичем и его женой Валей, хотя формально мы были знакомы и раньше.

Потом каждая семья получила по комнате площадью, вероятно, около 25 кв. м. Нам не повезло: наша комната была угловой и зимой очень холодной. Доходило до того, что в холода вода у нас замерзала. Мебель состояла, естественно, из 4-х кроватей вдоль стен и стола посередине. Было, конечно, голодновато, но я всё же находился на работе, и жена тоже работала. Но отцу с тётей, думаю, приходилось особенно несладко. К сожалению, не помню деталей, но тётя сломала ногу, хотя через некоторое время всё же могла ходить, а отец резко сдал. Мне горько вспоминать это время, и я корю себя, что уделял отцу недостаточно много внимания. Но по

существу, что я мог сделать? Помимо больного сердца у отца начала развиваться болезнь Альцгеймера — потеря памяти. Собственно, тогда в Казани этот диагноз не был поставлен, но речь идет, думаю, именно об этой болезни. И она, видимо, была характерна для семьи отца — сю бороли, разумеется, уже позже, младшая сестра отца, а затем и её сын, то есть мой двоюродный брат.

К счастью, эта наследственность не сказалась (может быть, точнее сказать, *пока не сказалась*) на мне. Вот я пишу эти строки в июле 2009 года, когда мне уже 92 года с половиной. Конечно, память стала хуже (особенно забываю имена-отчества). Но, в общем, по этому "параметру" грешно жаловаться, но по другим вполне можно: я заболел болезнью крови (болезнью Вальденстрёма). Вероятно, заболел давно, но это сказывалось вначале только на боли в ногах. Поэтому в 2003 году я смог поехать в Стокгольм, потом некоторое время также мог ходить, но в начале 2005 года попал уже в больницу с осложнениями на ноги — не мог ходить. И вот уже пятый год нахожусь либо в больнице, либо дома. Могу с трудом ходить по квартире с помощью так называемых "ходунков" и сижу в инвалидном кресле несколько часов в день. Остаюсь пока главным редактором журнала "Успехи физических наук" и кое-что пишу. В последнее время главным образом — о религии, борюсь с клерикализацией в стране. К сожалению, работаю и читаю очень медленно, и у меня все растёт куча нечитанных книг и журналов. Но сравнить мою жизнь с той, которой жили отец и тётя в Казани, всё же трудно. И, главное, моя вторая жена Нина, с которой мы дружно живём с 1946 года, заботится обо мне, хотя ей самой уже 87 лет (правда, у нас есть медсестра).

Фото 11. Виталий Лазаревич Гинзбург и Нина Ивановна Гинзбург, 2006 год. Фотография сделана в Гематологическом научном центре Российской академии медицинских наук, где В.Л. Гинзбург находился на лечении полтора года (с февраля 2005 г. по август 2006 г.).

Фото 12. Дочь В.Л. Гинзбурга — Ирина Витальевна Дорман и её муж — профессор Лев Исаакович Дорман (зять В.Л. Гинзбурга).

Давно хватит писать о себе, но хочу заметить, что у меня есть дочь от первого брака (ей 70 лет), две внучки и правнук с правнучкой; они появились у меня в 2000 году. К сожалению, все они живут не в Москве, но греют и на расстоянии.

В одном сохранившемся письме отца или просто его заметках (см. фото 5) говорится, что у меня в 1939 г. родилась дочь и её называли Ириной. Отец недоумевает, почему девочку не назвали Августой или просто Густой. Помню, как спорили о том, как назвать ребёнка, но имя Густа было отвергнуто, казалось слишком редким (!?). Сейчас я понимаю, что не назвать дочь именем моей покойной матери — это чёрт знает что, вот и приходится жалеть об ошибках 70-летней давности.

Фамилии дочки и внучек Дорман, по фамилии мужа дочери, а правнуки уже Петровы. Таким образом,

Фото 13. Внучки В.Л. Гинзбурга: Мария Дорман (слева) и Виктория Дорман. Фотография сделана в 1974 году.

принадлежащая мне веточка на генеалогическом древе Гинзбургов на мне, можно сказать, и обрывается. Конечно, дерево могучее и отсутствие на нём моих потомков (носящих фамилию Гинзбург) не играет роли.

Фото 14. Внучка В.Л. Гинзбурга Виктория Дорман с мужем Михаилом Петровым и детьми (двойняшками — правнуками В.Л. Гинзбурга) Григорием и Елизаветой Петровыми, родившимися 27 февраля 2000 года. Фотография сделана в 2005 году.

Кстати, я сам сейчас удивляюсь, почему так мало знаю о своих предках? Причины две. Во-первых, я не интересовался этим и не расспрашивал отца. Во-вторых, так получилось, что в силу того, что я моложе отца на 53 года, уже не знал его родителей, все это было слишком давно. Естественно, и мои потомки очень мало знают о нашей семье. Когда-нибудь, может быть, будут жалеть об этом, поэтому я снабдил эту статью рядом фото, пусть хотя бы представляют себе, о ком идет речь.

Нужно заметить, что фамилия Гинзбург очень распространённая. Как сообщается в книге И.Б. Гинзбурга *След на Земле*⁴, только в Петербурге живет более 400 Гинзбургов. Думаю, что Москва не отстала. Разумеется, абсурдно всех их считать родственниками, и эти однофамильцы различного происхождения. Фамилия Гинзбург происходит, по-видимому, от названия небольшого городка в Германии (в Баварии), он называется Günzburg. Однако отсюда происходит целое "семейство" близких фамилий: Ginzburg, Ginsberg, Ginzberg, Günzburg и т.д. Если пользоваться кириллицей, то речь идёт о Гинзбургах, Гинцбургах, Гинсбергах, Гинтсбергах и т.д. Я пользуюсь фамилией Ginzburg и Гинзбург. Даже о такой скромной ветви генеалогического дерева Гинзбур-

гов, которая как-то связана со мной, могу сообщить очень мало.

У отца были две сестры. Одна из них была убита при погроме на юге России⁵, у неё было двое сыновей. Отец очень старался им помогать, но без особого успеха. Младший из них был какой-то совершенно непутёвый. Старший сын Хаим (мой двоюродный брат) в какой-то период около 1924 года бывал у нас и я помню один раз он взял меня на международный шахматный турнир. Хаим был, видимо, хорошим шахматистом (и, видимо, был известной фигурой в шахматных кругах). Во всяком случае, когда в 1925 году в Москве в ресторане Метрополь проводился международный шахматный турнир высокого ранга, то он однажды повёл меня на один из сеансов и даже получил для меня в моей книжечке (и отдал мне) ряд автографов Ласкера, Капабланки и Боголюбова, который и победил на этом турнире.

В шахматы я, конечно, играл, но очень плохо. Как-то не увлёкся, а способностей к ним у меня явно нет, а учиться не хотелось, хотя прилично играть в шахматы можно, уделив этому делу много времени, запоминать этюды и т.д.

⁴ Гинзбург И.Б. *След на Земле*. (С.-Петербург: Изд-во Политехнического университета, 2007). Тираж 250 экз. (!). Помещённая на обложке этой брошюры фотография работы Вадима (Димы) Абрамовича Сидура (1924–1986) очень впечатляющая. Позволю себе заметить, что с В.А. Сидуром мы были друзьями.

⁵ На обороте фото 18 рукой Лазаря Ефимовича сделана запись о судьбе сестры Хаси-Либы: "Хасю-Либу убили 1-ый Сейдер 19?? в Новоград-Волынске". (Вопросительные знаки были поставлены Лазарем Ефимовичем: вероятно, что год гибели сестры Хаси-Либы в момент записи он не мог указать точно. Новоград-Волынский — город в Житомирской области, ныне Украина. — Примеч. ред.)

Фото 15. На фотографии Лазарь Ефимович Гинзбург со своей сестрой (справа на фотографии) — Елизаветой Ефимовной Гинзбург (фамилия мужа которой была также Гинзбург), а слева на фотографии (предположительно) вторая сестра Л.Е. Гинзбурга — Хася-Либа. Фотография найдена в архиве двоюродного племянника В.Л. Гинзбурга — Александра Самуиловича Гинзбурга. На обороте фотографии указана дата: "5 октября 1914 года". Возможно, что это был просто праздничный для семьи день (и, соответственно, повод сделать парадную фотографию на память): в 1914 году 5 октября совпало с 15 Тишрей по еврейскому календарю — то есть с первым днём праздника Суккот.

К сожалению, о дальнейшей судьбе этих двоих моих двоюродных братьев я ничего не знаю. Другая сестра отца (тётя Лиза) вышла замуж за однофамильца, так что "дерево Гинзбургов" на ней не оборвалось. Она, на моей памяти, жила в Москве, у неё были три дочери и сын.

Из дочерей я знал только одну Беллу, она учила меня или, лучше сказать, пыталась учить меня английскому языку. Её убили и, чтобы замести следы, расчленили и разбросали по разным местам. В преступлении заподозрили её мужа профессора Миркина. Его и осудили, но потом отменили приговор, и он преподавал в Институте стали. Сын тёти Лизы на 6 лет старше меня, был инженером-электриком. Наконец, его сын, мой двоюродный племянник, здравствует, он доктор физ.-мат. наук, работает в Институте физики атмосферы Российской академии наук (РАН). Кстати, он — Александр Самуилович Гинзбург, мой единственный родственник, с которым я поддерживаю связь. В справочнике сотрудников РАН по фамилии Гинзбург нас только двое. И это среди примерно 3500–4000 тысяч всех сотрудников. Так что Гинзбургов много, но всё же не так уж много. Как уже отмечал, о родственниках матери сейчас ничего не знаю.⁶

⁶ В скорбном списке жертв Холокоста (http://www.yadvashem.org/wps/portal/IY_HON_Entrance) упоминается 7 человек, носивших фамилию Вильдауэр и погибших в Рижском гетто. (Примеч. ред.)

Фото 16. Санель Симонович Гинзбург (Александр Семёнович Гинзбург) — муж тёти Лизы (сестры отца В.Л. Гинзбурга — Лазаря Ефимовича). Санель Симонович Гинзбург — дед Александра Самуиловича Гинзбурга (ныне здравствующего двоюродного племянника В.Л. Гинзбурга). Фотография сделана 28 декабря 1896 года.

Возвращаясь к книжке И.Б. Гинзбурга, укажу, что он упоминает большое количество более или менее известных Гинзбургов.

Здесь всё же уместно ещё раз остановиться на происхождении фамилии Гинзбург. Оно связано с городком Günzburg в Германии. Городок Günzburg (Гюнцбург или Гинзбург) существовал ещё до нашей эры. Первые документы, в которых фигурирует этот городок на Дунае, относятся к 1055 году. В 1301 году городок стал административным центром некоторой области в Швабии (Баварии). Еврейская община в Гюнцбурге уже существовала по крайней мере в 1566 г. Эти и другие сведения о городке Günzburg можно найти в книге (см. сноску 4), посвящённой Гинзбургам.

О своих предках я знаю очень мало, ибо этим вопросом раньше, к сожалению, не интересовался; даже мать отца, с которой отец был особенно близок, скончалась в 1904 г., то есть за 12 лет до моего рождения. Единственное, что стоит, быть может, сообщить, это тот факт (или, скорее всего, факт), что моя "настоящая" фамилия не Гинзбург, а Ландау. Отец как-то рассказал, что то ли его дед, то ли прадед носил фамилию Ландау, но переехав в Россию (из Польши?), женился на девице с фамилией Гинзбург и принял эту фамилию из каких-то имущественных соображений. Вообще нужно заметить, что у отца была кузина по фамилии Ландау и все они образовывали какой-то близкий круг. Я как-то рассказал об этом, не помню уж кому, но ко мне вернулось

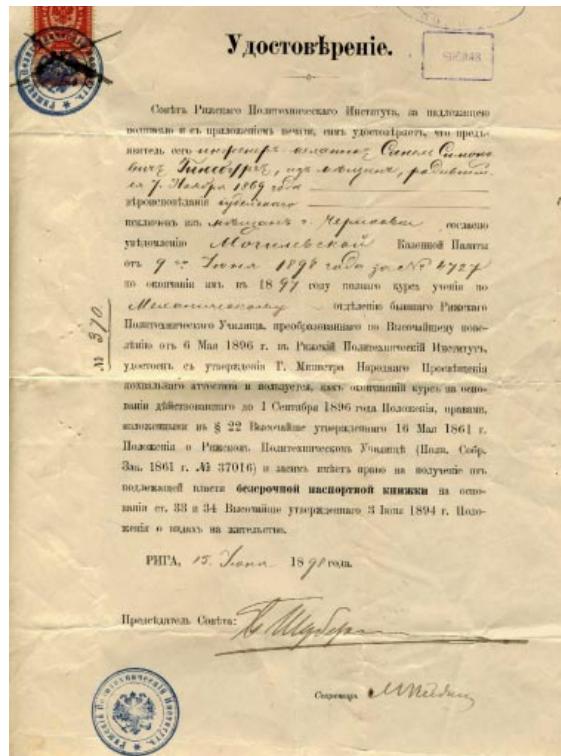

Фото 17. Удостоверение в том, что "... предъявитель сего инженер-механик Санель Симонович Гинзбург исключён из мещан г. Чернигова ... по окончании им в 1894 году полного курса обучения по Механическому отделению ... Рижского Политехнического Института... и за сим имеет право на получение от надлежащей власти **бессрочной паспортной книжки** за оплату от 33 и 34 Високий утвержденного 3 июля 1894 г. Положения о правах на длительность.

РИГА, 15 Января 1897 года.

Председатель Совета: *М.М. Медведев*

Секретарь: *М.М. Медведев*

утверждение, что Ландау (Лев Давидович) любит Гинзбурга (то есть меня), потому что мы родственники. С тех пор перестал рассказывать эту байку.

На фотографии 18, относящейся примерно к 1889 году, фигурирует вся семья: дедушка, бабушка и, помимо отца, две их дочери. Дедушка (то есть отец моего отца) умер в 1893 году, а бабушка умерла в 1904 году, то есть за 12 лет до моего рождения. Нужно ли удивляться тому факту, что я о ней практически ничего не знаю, разве что она была особенно близка к отцу, её единственному сыну и, как можно сказать, удачному сыну. На фотографии 19 бабушка снята вместе с отцом

Фото 18. Бабушка и дедушка В.Л. Гинзбурга — родители отца (сидят). Стоят слева направо: тётя Лиза — младшая сестра отца, отец В.Л. Гинзбурга — Лазарь Ефимович Гинзбург, Хася-Либа (сестра отца). На обороте фотографии рукой Лазаря Ефимовича сделана запись: "Снято в Москве приблизительно в 1889 г. Отец (то есть Ефим Гинзбург — дед В.Л. Гинзбура) умер в Одессе в 1893 г. 24/XII. Мать (мать Лазаря Ефимовича) умерла в Прилуках в 1904 г. 15/IV. Хасю-Либы убили 1-ый Сейдер 19?? в Новоград-Волынске". (Точный год убийства сестры Хаси-Либы Лазарь Ефимович Гинзбург не указал. — Примеч. ред.)

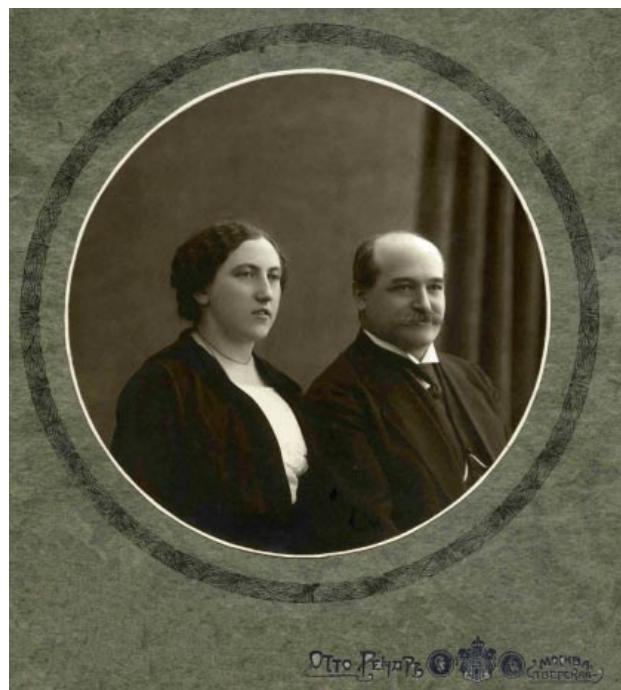
в 1898 году. Отец уже был инженером и, так сказать, "встал на ноги". Мне кажется почему-то, что снимок сделан, чтобы доставить бабушке удовольствие.

Отец был верующим, иногда молился и посещал синагогу. Несколько раз и меня брал с собой. Но когда я повзрослел и начал настойчиво добиваться у отца ответа на вопрос, почему и кому он молился, ответ был таков: молюсь, чтобы вспомнить детство, родителей, а также, чтобы забыть неприятное в своей жизни в настоящее время.

На фотографии 20 запечатлены мои родители, поженившиеся в 1914 году.

Фото 19. Лазарь Ефимович Гинзбург со своей матерью. Фотография сделана в 1898 году после получения Лазарем Ефимовичем диплома инженера.

Фото 20. Августа Вениаминовна Вильдауэр-Гинзбург и Лазарь Ефимович Гинзбург. Согласно записи на обороте рукой Л.Е. Гинзбурга фотография сделана в праздник Пурим 1915 г. (28.02.1915).

На фотографии 21 изображена тётя Роза, на фотографиях 22 и 23 в возрасте 2-х лет и 9-ти месяцев (фотография была сделана 21 июля 1919 года) и 8-ми лет, соответственно, представлен я сам.

Любопытно, как мне кажется, заметить, что у евреев до сих пор сохранились какие-то остатки родового строя. Так, через старшего сына сохранилось "звание" (не знаю, как точно называть) "коганы" или "коэны", означавшее принадлежность к священнослужителям иудейского храма (отсюда, вероятно, фамилии Коган, Каган и т.п.).

Вернусь к печальному. Отец до начала тридцатых годов был ещё крепок, среднего роста, был он сильным мужчиной. Таким или почти таким я запомнил его в начале эвакуации. Но очень скоро он уже начал сильно слабеть. Болезнь прогрессировала. Разумеется, я не мог сделать что-нибудь радикальное для помощи ему, но корю себя за то, что ничем ему не помогал.

Кажется, в июне или июле 1942 г. пришлось поместить отца в больницу, где он и скончался 20 июля 1942 г. в возрасте около 79 лет. Отец похоронен на еврейском кладбище в Казани. И я не знаю точно, где его могила. В 1942 г. мы сделали что могли, и могила была как-то выделена из окружающих каким-то невысоким цементным забором. Но когда уже через несколько лет я поехал в Казань, найти или, точнее, идентифицировать могилу отца не удалось.

Фото 21. Тётя Роза. На обороте фотографии рукой В.Л. Гинзбурга указаны даты жизни Розы Вениаминовны Вильдауэр: 7/III 1891 — 1/IV 1948.

Фото 22. Виталий Лазаревич Гинзбург в возрасте 2 лет и 9 месяцев и 17-ти дней. Снят в тот же день, что и фото 4, то есть 21 июля 1919 г.

Фото 23. Виталий Гинзбург в возрасте семи с половиной лет. На обороте фотографии рукой Лазаря Ефимовича (отца В.Л. Гинзбурга) проставлена дата снимка 27/III — 1924.

Фото 24. Фотография памятника, сделанного Лазарем Ефимовичем Гинзбургом на могиле Августы Вениаминовны на Дорогомиловском (?) еврейском кладбище г. Москвы. Фотография была сделана большого размера и на её обороте Л.Е. Гинзбург описал для сына Виталия обстоятельства смерти матери (приведены на фото 5).

Не знаю я и где поконится прах матери. Она была похоронена на Дорогомиловском (если правильно помню) еврейском кладбище в Москве и отец поставил там памятник (фотография 24). Но незадолго до войны это кладбище было ликвидировано, причём было разрешено перевезти прах на другие кладбища где-то за городом (кажется, Востряковское). Отец позаботился о переносе праха и памятника матери на это новое место, но война помешала установке памятника на новом месте. Видимо, тогда это было нелегко. Я помню, как мы с отцом были на новом кладбище, и видел памятник матери разложенным на земле, но еще не установленным. Думаю, что во время войны мрамор растаскали, но это не оправдывает меня: по возвращении в Москву из эвакуации я памятника не искал. Вероятно, не нашёл бы, ведь он поставлен не был, но всё равно этому нет оправдания.

Поскольку я развёлся в 1946 г. с первой женой, тётя Роза осталась в нашей старой квартире одна в принадлежащей ей комнате. Но в остальном всё было плохо: больная нога, одиночество, ибо я где-то снимал комнату, да и старался побольше находиться в Горьком (Нижнем Новгороде), где работал по совместительству и, главное, где жила моя вторая жена, она находилась там фактически в ссылке, о чём я подробно пишу в автобиографии, да и в ряде статей. А тут начались какие-то психические сдвиги, страхи, и тётя 1 апреля 1948 г. покончила с собой. Её кремировали, и урна с её прахом находится в колумбарии 18 в Московском крематории (Донское кладбище). Это всё "материальное", что осталось у меня от родных. Горько сознавать, что я не сделал всего, что, быть может, мог для облегчения жизни отца и тёти в последнее время перед их смертью.

Когда писал эту заметку, то вспоминал обо всей своей жизни, как-то подводил итоги. Пришел к выводу, что, в общем, мне повезло, несмотря, конечно, на известные несчастья (смерть матери, да другое помельче). Но в детстве был окружён заботой отца и тёти, не голодал и не погиб на войне. Всю жизнь занимался любимым делом (физикой и астрофизикой) и преуспел в этом, стал более или менее известным учёным. Венцом является получение Нобелевской премии по физике за 2003 год. Я не страдаю манией величия и знаю цену любым наградам и премиям. Но всё же получить Нобелевскую премию, пусть и в конце жизни, очень приятно (см. фото 25).

Фото 25. Нина Ивановна Гинзбург и Виталий Лазаревич Гинзбург в Стокгольме в декабре 2003 года во время торжеств по случаю вручения В.Л. Гинзбургу Нобелевской премии по физике за 2003 год. Фотография сделана перед Гранд Отелем, где размещаются лауреаты Нобелевской премии, их родственники и приглашённые гости.

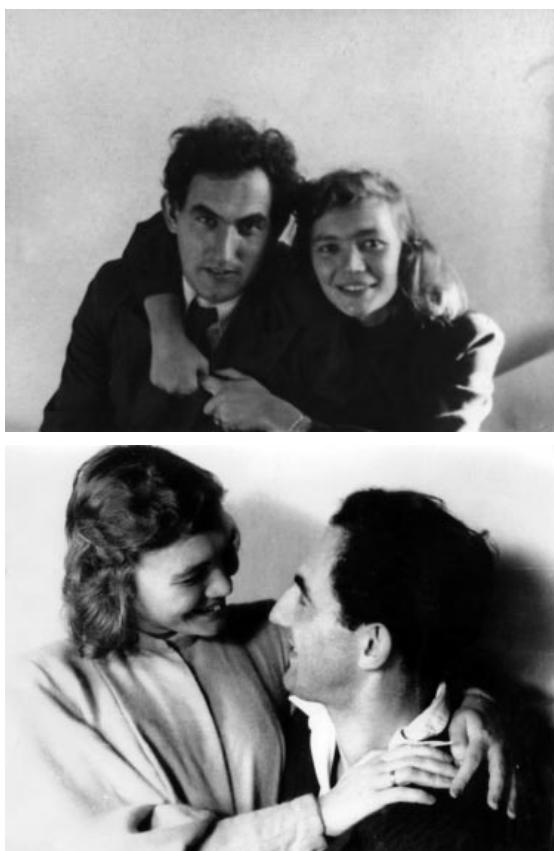
Это одна сторона жизни. Другая — это то, что, прожив так долго, в частности, в самый тяжёлый сталинский период, я, с одной стороны, не подвергся серьёзным репрессиям и, с другой стороны, не замарал свою совесть не только доносами и т.п., но и не подписал никаких гнусных заявлений, например, направленных против А.Д. Сахарова. Напротив, я помогал ему, о чём, написал, например, в статье "О феномене Сахарова"⁷. Сейчас тоже стараюсь защищать репрессированных учёных⁸ и борюсь с лжен наукой и клерикализацией нашей страны⁹.

Добавлю, что мне очень повезло со второй женой, с которой мы живём с 1946 г. Хорошие отношения у меня с дочерью и внучками.

⁷ Гинзбург В.Л. *О физике и астрофизике* (сборник статей) (М.: Бюро Квантум, 1995)

⁸ См., например, журнал *Здравый смысл* номер 2, стр. 10 (2009)

⁹ Гинзбург В.Л. *Об атеизме, религии и светском гуманизме* (М.: ФИАН, 2009). Газета *Новая газета* от 12 августа 2009 г.

Фото 26. Виталий Гинзбург и Нина Гинзбург (Ермакова) в 1948 г.

Больной, и в весьма преклонном возрасте я, естественно, думаю о смерти. Особенно часто эти мысли посещают пожилых людей и людей любого возраста на смертном одре. Впрочем, то же можно сказать о людях любого возраста, задумывающихся о смысле жизни (много писал на эту тему Лев Толстой). В общем, это понятно, конечно же, что жизнь и неизбежной смерти не так-то легко осознать и смириться с этим. Поэтому люди в древности и выдумали сказку о загробной жизни. Да и сейчас религиозные люди верят в эту сказку. Так вот, я хочу сообщить, что у меня нет такого страха. Более того, со времени начала болезни (то есть с начала 2005 года) я просто мечтал о смерти и обращался с этим к врачам, но они все, насколько помню, относились отрицательно к моему мнению. Таков уж их судьба. Я считаю, что у человека есть не только право на жизнь, что, кажется, записано у нас даже в Конституции, но и право на безболезненную смерть. Эвтаназия¹⁰ является самой мягкой, можно сказать, реализацией этого права. Но, как известно, и эвтаназия, казалось бы, право разумное и заведомо гуманное, встречает возражения в большин-

¹⁰ Эвтаназия — это умерщвление самых тяжелых, безнадежно больных, разумеется, по их просьбе или просьбе родных.

My father and my family

V.L. Ginzburg

In what proved to be his last paper, Vitaly Lazarevich Ginzburg gives some autobiographical information about his family tree, relatives, ancestors, and descendants and where the name Ginzburg comes from. A major part of V.L. Ginzburg's memoir is about his father — making up for what he considered to be a "somewhat neglected" filial duty.

Фото 27. 60 лет спустя. 92-й день рождения Виталия Лазаревича — 4 октября 2008 г. Нина Ивановна Гинзбург и Виталий Лазаревич Гинзбург у себя дома. 62 года счастья. 62 года вместе.

стве стран, и со стороны всех, кажется, религий. Конечно, реализация права на безболезненную смерть, то есть можно сказать, на реализацию самоубийства по требованию, опасно с точки зрения возможных злоупотреблений. В общем, постановка этого вопроса у нас в России сейчас совершенно несвоевременна, и поэтому не буду распространяться на эту тему.

Но, повторяю, мне, как атеисту, смерть представляется вполне естественным явлением и единственное, что может удерживать человека от осуществления права на смерть — это забота о родных и близких. Во избежание недоразумений подчеркну, что смерти-то я не боюсь, но очень боюсь часто связанных с ней болей и т.п. Но боязнь этих болей — это только лишний аргумент в пользу реализации права на безболезненную смерть.

Хочу резюмировать словами Н. Гумилёва, писавшего о "несравненном праве" человека "самому выбирать свою смерть".

Как сложится моя дальнейшая судьба — неизвестно, и остается только надеяться, что хуже не будет, и я смогу, пусть и с трудом, бороться с отрицательными, на мой взгляд, явлениями и в нашем обществе и, в частности, в близкой мне жизни РАН — Российской академии наук.

17 августа 2009 г.